

ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЕ

Фактом является то, что государство возникает из множества самых разных индивидов, существующего в виде членов семей и членов гражданского общества. Но возникнув и укрепившись исторически, государства в мире становятся сильными субъектами, управляющими проживающим на территории государства населением, регулируемыми множеством общественных, социально-экономических процессов, происходящих в государстве. Теперь можно признать следующее: государство является необходимым фактором создания и самого факта существования гражданского общества. Если не будет силы и государственной воли (принуждения) в определенных вопросах общественной жизни — все скатится к беспорядкам и хаосу. Не в последнюю очередь это касается гражданского общества, саморегулируемой системы, нуждающейся в постоянном контроле со стороны государства.

Все это лишь демонстрирует объективную взаимосвязь государства и гражданского общества (в котором государство, безусловно, доминирует) применительно к особым примерам. Воистину гражданское общество и государство представляют собой единство и борьбу противоположностей. «В гражданском обществе каждый для себя — цель, — отмечал Георг Вильгельм Фридрих Гегель, — все остальное для него

ничто»¹. Или: «Гражданское общество является ареной борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех»². И как раз эта-то война, которая сама является следствием социального единства и вытекающих из него ограничений, рождает необходимость мощного интегрирующего начала, коим и является государство.

Позже эти идеи развил Карл Маркс: «Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни, ведет двойную жизнь: жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил»³.

Здесь речь идет, в том числе, о самоидентификации, кризисе идентичности индивида: на Западе кризис идентичности стал следствием процесса индиви-

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 228. Об этом также писал Платон.

² См.: Гегель здесь использует известную характеристику Томасом Гоббсом естественного состояния, которое, по его определению, есть «война всех против всех».

³ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. – С. 390.

дуализации (вторая половина XX в.), в России — следствием глубокого общесоциального и политического кризиса (1990-е гг.). Похожий кризис начинает назревать и сегодня. Политические события последних месяцев (выборы в Государственную Думу шестого созыва, честность которых поставлена под сомнение оппозиционными силами и некоторыми политическими партиями), на наш взгляд, ведут к неизбежному системному общесоциальному кризису, кризису идентичности индивида в России. Опасность и, увы, видимо, неизбежность ситуации состоит в том, что придется идти не эволюционным путем, а уже ставшим для России по-настоящему исторически родным революционным путем.

Нельзя в принципе установить четкого различия между членом гражданского общества и гражданином государства. Почти каждый гражданин государства является одновременно членом семьи, частью гражданского общества и так или иначе участвует в политической жизни общества, сталкивается с государством в лице органов государственной власти. Гражданское общество рассматривается Гегелем как сфера понятия государства, и именно как сфера его конечности. Как указывал К. Маркс (правда, в своих ранних произведениях), государство выступает для гражданского общества как его «внешняя необходимость»⁴. Жизнь гражданского общества немыслима без государства, опосредованно или прямо устанавливающего рамки формирования и развития общественной жизни. Именно это и задает предпосылки не двойственности, но двуединства индивида — как члена гражданского общества и как гражданина государства.

Напротив, К. Маркс акцентирует внимание именно на двойственности: «как член государства, то есть как гражданин, человек воспринимает себя родовым существом. Как лицо частное он принадлежит уже гражданскому обществу — этой «сфере эгоизма, где царит *bellum omnium contra omnes*»⁵. Ее сущность выражает уже не общность, а различие»⁶.

Это различие лежит в основе конфликта между государством и предпосылками его возникновения — материальными, как частная собственность, или духовными, как образование, искусство, религия. Есть здесь и другой конфликт, являющийся предметом исследования, главным образом, социологии и политологии, — кризис самоидентификации, возникший в

результате изменения социокультурных условий существования и окружающей социальной среды⁷ (как правило, изменений негативных, например, экономических, политических, и как следствие, — социальных кризисов).

В обществе, где нормы составляющих его групп взаимно не согласуются, любому человеку трудно интегрировать свои различные «Я-образы» в единое целое. Когда различия слишком велики, человек может страдать от внутренних конфликтов⁸.

Дело в том, что само гражданское общество — суть порождение государства, которое немыслимо без существования последнего точно также, как и государство — есть порождение гражданского общества. А значит, изучать гражданское общество в отрыве от государства, точно также как государство в отрыве от гражданского общества — бесполезно. Именно в гражданском обществе формируются общезначимые интересы, которые в идеале представляют собой своего рода «материю», из которой строится государственная власть.

Иное дело, что именно представляет собой гражданское общество. Ведь это отнюдь не то, что формально выходит за пределы государственных структур. Если, скажем, наблюдается огосударствление общественных институтов, то граница, разделяющая общество и государство, становится аморфной и в той или иной мере смещается в сферу государственной власти (по Гегелю: власти как «неизбежной необходимости» существования гражданского общества), формируя в ней псевдообщественные институты. Примером таких институтов может служить КПСС и советская номенклатура, где в действительности и формировались интересы, на основе которых строился и функционировал государственный аппарат и само государство. Такого рода политический конгломерат появляется всякий раз, когда из-за волевых действий власти, осуществляемых на фоне слабости демократических институтов, естественные границы гражданского общества смещаются, а развитие самих институтов оказывается заторможенным. В современной России это можно наблюдать на примере нынешней партии власти — Единой России, основу которой составляет все та же номенклатура, но теперь уже нового вида. В данном случае повторяется не история, в действительности сегодня мы можем предметно и в динамике

⁴ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. — М., 2010. — С. 52-53.

⁵ Война всех против всех (лат.).

⁶ См.: Маркс К. К еврейскому вопросу. — С. 392.

⁷ См.: Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. — 1995. — № 3-4. — С. 159.

⁸ См.: Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969. — С. 203.

наблюдать еще один пример проявления объективных взаимозависимостей, в которых находятся гражданское общество и государство.

Однако это объективно складывающееся положение дел тщательно камуфлируется властью, которая инициирует и создает типовые структуры конституционной модели гражданского общества «сверху», а не «снизу», как это можно видеть в классических образцах, сформулированных в научных трудах и реализованных на практике в развитых европейских странах. Но с учетом того, что в силу могущества нынешней властной вертикали и слабости этого формируемого искусственно гражданского общества его объективный потенциал в значительной мере перемещается в сферу государства и жестко контролируемых им областей государственного управления. Как раз в силу этого искусственно создаваемые государством формально нормальные конституционные институты гражданского общества оказываются изначально обескровленными и весьма пассивными (вялыми), что можно наблюдать в низкой политической активной и политической самостоятельности подавляющей части населения страны. То, что слишком активно власть или подавляет или эффективно регулирует, а то, что пассивно, она поддерживает, возмещая необходимую для демократической страны инициативу граждан инициативами самой власти, в пользу ее основной партии и вырастающих вокруг нее формально неформальных структур и движений, которые повсеместно именуют прокремлевскими.

По мнению К. Маркса, семья и гражданское общество сами себя превращают в государство. Именно они являются движущей силой⁹. По Гегелю же, напротив, они порождены действительной идеей. Их объединение в государство не есть результат их собственного жизненного процесса; наоборот, это идея в своем жизненном процессе отделила их от себя.

Скорее следует согласиться (но не во всем) с К. Марксом, нежели с идеализмом Гегеля, выдвинувшего как константу и непреложную истину «действительную идею»¹⁰. Рассуждения К. Маркса менее абстрактны, а потому более объяснимы, в том числе — с позиций исторического развития.

Каким бы полицейским и тоталитарным ни было государство, некоторую часть его фундамента составляет гражданское общество — пусть урезанное, ограниченное, задавленное. При всем желании ни один политический строй или режим не в состоянии свести на нет частную жизнь граждан, которая в своих разно-

образных проявлениях и составляет то, что мы называем гражданским обществом. Иными словами, нельзя устранить гражданское общество, не устраняя одновременно само государство. Государство зиждется на интересах, дающих ему связь с объективным миром через потребности людей. Если чисто теоретически эту связь разорвать, государство потеряет свою материальную плоть и поневоле исчезнет. Даже псевдогражданское общество, сформированное в рамках государства им самим, каким бы масштабным оно ни было, не способно перечеркнуть тот факт, что состоит оно из вполне материальных людей, все потребности и интересы которых объять невозможно. Государство по природе своей стремится и может контролировать лишь всеобщее, но всеобщее к единичному не сводимо и из него не выводимо. Аристотелевский парадокс целостности или, говоря языком теории систем — эмерджентность, справедлив для любого целого, в том числе и социального.

Гражданское общество нельзя трактовать как антитезу государства, ибо гражданское общество и государство — это теснейшим образом объективно взаимосвязанные и взаимозависимые социальные и политико-правовые явления, своего рода тандем, где ведущая роль в идеале должна принадлежать гражданскому обществу, на стороне которого формирование материального субстрата государства — общезначимого интереса. При слабо развитых институтах демократии или в тоталитарных государствах эта картина оказывается сильно закамуфлированной: государство как субъект государственного управления оказывает воздействие на гражданское общество (и достаточно активное) как его объект.

Устранение интегрирующего государственного начала, противостоящего индивидуализму субъектов гражданского общества, превращает гражданское общество в ничем не связанную совокупность индивидов, что способно привести к воцарению анархии¹¹. Здесь не будет ни государства, ни гражданского общества. История дает множество примеров, когда из-за ослабления или гибели государства общество погрузилось в анархию и смуту со всеми сопутствующими им бедствиями и кровопролитиями. Достаточно вспомнить Россию конца XVI — начала XVII вв. Самая яркая иллюстрация из новейшей отечественной истории — перестройка и реформы, которые привели к крушению Советского Союза.

Кстати говоря, современное российское государство вряд ли можно назвать сильным. Его социали-

⁹ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. и другие ранние философские работы. — М., 2010. — С. 56.

¹⁰ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М., 1990. — С. 225.

¹¹ См.: Поздняков Э.А. Российское гражданское общество. Иллюзии и реальность // Политический класс. — 2006. — № 22. — С. 6.

стический предшественник был не в пример мощнее. Слабости нового российского государства сопутствует аморфность гражданского общества и процесса его формирования. Само же гражданское общество в существенной мере замещается его политическим суррогатом, формирующимся новой номенклатурой в форме создаваемых ею политических псевдообщественных организаций. Вместе с тем, политические события 4-7 декабря 2012 г. (выборы в Государственную Думу шестого созыва и последовавшие за объявлением результатов выступления оппозиции и несогласных на Триумфальной площади Москвы 6, 10 и 24 декабря, а также массовые протестные выступления в других регионах страны) заставляют задуматься о возможных позитивных тенденциях и постепенной замене «политического суррогата» и псевдообщественных институтов полноценными институтами гражданского общества. Скорее всего, синдром «Триумфальной площади» в России может стать длящимся, что несомненно усилит процесс консолидации гражданского общества.

Термин «гражданское общество» употребляется в трех основных значениях.¹² В первом случае гражданское (*civil*), гражданское (самоорганизованное) общество противопоставляется нецивилизованному, варварскому обществу. Во втором случае имеется в виду феномен античного полиса — гражданская община. Наконец, в третьем гражданское общество трактуется как буржуазное общество, в котором сфера частных дел и интересов освобождается от прямого воздействия государственно-властных институтов, становится автономной, непосредственно не зависящей от государства сферой жизнедеятельности людей¹³.

Некоторые исследователи феномена гражданского общества выдвигают в качестве наиболее общих идей и принципов любого гражданского общества, во-первых, экономическую свободу, многообразие форм собственности и рыночные отношения, во-вторых, безусловное признание и защиту естественных прав человека и гражданина, предполагающее равенство всех перед законом, в-третьих, наличие правового государства, основанного на принципе разделения и взаимодействия властей и невмешательства государства в частную жизнь.

Возникновение гражданского общества связано с развитием частной собственности, которая стала стимулом для творческой активности человека, его заинтересованности в развитии производства, основой

возникновения среднего класса¹⁴. Отсюда в идеале гражданское общество — это свободное, плюралистическое рыночное общество, где нет места режиму личной власти, тоталитаризму, насилию над людьми, где уважают закон и мораль, принципы гуманизма и справедливости, где центральное место занимает человек, гражданин, личность.

Но можно ли утверждать, что этот человек, гражданин, личность представляют собой в общей совокупности народ? И что есть народ? В чем его отличие от нации, населения, общества? И можно ли считать гражданское общество высшей формой организации народа?

Существует много определений понятия «народ» и взглядов на то, что (и кого) следует понимать под этим определением. Начнем с конституционно-правовой (политической)¹⁵ трактовки понятия.

Итак, согласно Малой энциклопедии конституционного права, **народ** — это население страны, организованное в государство; это субъект конституционного права, основной источник и носитель власти. В состав народа могут входить различные исторически сложившиеся на данной территории компактные нации, и тогда употребляется термин «многонациональный народ»¹⁶.

Словарь по конституционному праву определяет **народ** (от древнеславянского — «род») как совокупность лиц, происходящих от одного предка. Основные законы обычно игнорируют этнический аспект данного понятия, на что нередко прямо указывается (например, «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности» — ст. 8 Конституции 1991 г.)¹⁷.

Идеи признания народа носителем суверенитета и высшим источником власти были разработаны еще в трудах Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других выдающихся мыслителей XVII-XVIII вв. Демократические революции этого исторического периода смели абсолютизм с его теориями божественного происхождения власти и утвердили народ как учредителя государства и носителя суверенитета.

¹⁴ См.: Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Адвокат. — 2009. — № 8.

¹⁵ Мы отождествляем конституционно-правовое и политическое понимание понятия «народ», поскольку конституционные нормы, по большому счету, лишь инструмент воплощения политических задач и целей власть имущих, а конституционное право — максимально политизированная отрасль права.

¹⁶ См.: Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. — М., 1998. — С. 264.

¹⁷ См.: Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. — М., 2001. — С. 218.

¹² См.: Дзодзиев В. Проблема становления демократического государства в России. — М., 1996. — С. 162.

¹³ См.: Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. — М., 2005. — С. 4.

В преамбуле Конституции РФ 1993 г. указывается, что этот документ принимает «многонациональный народ Российской Федерации». Закрепляется также (ст. 3) положение о том, что ее многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону. Упомянутые в Конституции права народа конкретизируются в правах и свободах граждан, которые в своей совокупности и составляют народ. Надо бы при этом заметить, что эта конституционная зависимость довольно жесткая и универсальная: насколько реальны и реализуемые конституционные права и свободы, настолько сформирован и действительно существует субъект конституционного права — народ.

Диалектика гражданского общества и государства в данном случае трансформируется в диалектику народа и государства. Государство может «вбирать» в себя народ, формируя его суррогат, каким, например, был тотально огосударствленный советский народ.

Народ и его граждане обладают правом на сопротивление, о чем иногда говорится в конституциях и некоторых конституционных документах (США, Франция, Германия и др.). Например, Декларация независимости США провозглашает: «В случае, если какая-либо форма правления становится губительной ... народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье». Таким образом, официально признается право народа на «перезагрузку» сложившейся политической системы, право народа на новую политическую реальность. Для России понимание этого в ближайшее годы станет важным шагом на пути неизбежного обновления.

В настоящее время в законодательстве России об этом праве не упоминается, однако оно вытекает из природы естественного права и обретает свою силу как юридическая гарантия против узурпации власти.

Итак, в конституционном праве получили отражение следующие аспекты понятия «народ»:

- 1) народ — носитель суверенитета и источник власти (это широко распространенная старая формула, применяемая и в новейших конституциях)¹⁸;

- 2) народ — субъект конституционного права, обладающий учредительной властью. Этот аспект обычно отражен в преамбулах основных законов. Наиболее известна формулировка Конституции США 1787 г.: «Мы, народ Соединенных Штатов... учреждаем и принимаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки».

- 3) народ — это избирательный корпус (например, «Президент Республики избирается народом» — п. 1 ст. 127 Конституции Польши 1997 г.)¹⁹

Обратим особое внимание на тот факт, что народ никогда не был категорией чисто юридической, равно как и человек сам по себе не рассматривается как категория юридическая.

В философском понимании *народ* — это:

- 1) исторически изменяющаяся общность людей, характеризующаяся общей исторической судьбой и общей идеей, способная по своему объективному положению решать основные проблемы данного конкретного общества;
- 2) все население определенной страны;
- 3) народные массы, включающие на конкретных этапах истории те классы и слои, которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества;
- 4) различные формы исторических общностей (племя, народность, нация);
- 5) совокупность элит той или иной страны, сформировавшихся и обнаруживаемых во всех существенных социально-значимых отношениях²⁰.
- 6) В социологическом понимании *народ* — это слои и классы общества, которые на данном историческом этапе участвуют в решении задач общественного развития²¹.

Под *нацией* (от лат. *natio* — род, рождение, происхождение, народ) понимается:

- 1) синоним понятия народ;
- 2) синоним понятия государство; именно в этом смысле используется, например, в названии универсальной международной организации по под-

ду, от него исходят полномочия государства». Именно от имени народа выступают различные органы государства, например, осуществляется правосудие («Правосудие отправляется именем народа» — ст. 101 Конституции Италии 1947 г.), помилование («Министр-президент от имени народа осуществляет право на помилование» — ч. 1 ст. 109 Конституции германской земли Гессен).

¹⁹ См.: Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. — М., 2001. — С. 218.

²⁰ См.: Философский словарь. — М., 2008. — С. 189.

²¹ См.: Социологический словарь. — М., 2009. — С. 253.

¹⁸ Например, согласно ст. 1 Конституции Испании 1978 г.: «Национальный суверенитет принадлежит испанскому наро-

держанию мира — Организации Объединенных Наций;

- 3) этническая общность. Несовпадение содержания терминов «народ» и «нация» послужили для различных концепций суверенитета — народного и национального.

Отсюда можно сделать вывод о том, что понятия «нация» и «народ» могут совпадать, однако чаще всего народ состоит из множества живущих на территории одной страны наций; именно народ, а не конкретная нация, в связи с этим, является носителем суверенитета и обладателем права на «перезагрузку» политической системы в случае ее глобального сбоя.

В годы Великой французской революции (1789–1791 гг.) «нация» означала страну, государство²². И тогда же были введены понятия «национализм», «принцип национальности», согласно которым каждый народ суверенен и имеет право на образование своего государства. «Нация» и «государство» по своему смыслу были сближены именно на базе этнического значения²³.

В Германии, напротив, сохранялось этническое значение нации. В этом смысле из трудов И. Шиллера, И. Фихте, К. Маркса и Ф. Энгельса терминология переключалась в русскую и советскую литературу²⁴. То же можно сказать о Швейцарии и Бельгии²⁵. Близки к подобному пониманию были К. Каутский и О. Бауэр, через труды которых эта терминология дошла до социал-демократов России, а затем и до большевиков, распространив свое влияние на всю первую половину XX в.

Например, О. Бауэр выделял в «нации» общую культуру, общий язык, общность судьбы, происхождение²⁶. Для К. Каутского были важны культура, язык и территория²⁷. Кстати, именно воззрения О. Бауэра и К. Каутского, с которыми солидаризировался В.И. Ленин, стали со временем базой сталинского определения нации. Для И.В. Сталина «нация — это исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в особенности культуры». При этом

он поставил условие: «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»²⁸. В.И. Ленин при характеристике нации выделял территорию, экономику и язык²⁹. Но впоследствии в теории о национальном вопросе СССР десятилетия господствовал взгляд Сталина³⁰.

Понятия нации и национальных движений являются для Запада ключевыми с момента своего возникновения в восемнадцатом столетии. В XX в. эти понятия сделались ключевыми для всех человеческих обществ³¹. «Притязания нации на интересы индивида, — писал И. Берлин, — основываются на том факте, что исключительно жизнь нации и ее история придают смысл всему, что представляет собой и что делает каждый ее представитель». Берлину вторит Дж. Мак: «Существует лишь несколько идеалов, за которые человек готов убивать других и добровольно отдать собственную жизнь. Один из таких идеалов — нация и ее защита в случае какой-либо угрозы»³².

Однако идентичность нации не является величиной постоянной, а национализм — далеко не самая убедительная идеология на свете. Нация возникает, лишь когда группа людей признает себя нацией; а воззрения этих людей на собственную общность могут быть весьма переменчивыми. Вдобавок значимость приверженности нации в сравнении с прочими лояльностями может значительно колебаться на протяжении времени.

Иными словами, человек (народ) — это часть структуры гражданского общества, базовый элемент («атом») этой системы. Гражданское общество, на наш взгляд, — это не только совокупность (организованная во времени и общественно-политическом пространстве) взаимодействующих друг с другом и развивающихся (в т.ч. самоорганизующихся и организованных государством) элементов, но и часть го-

²² См.: Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. — 1996. — № 3.

²³ См.: Французская буржуазная революция. — М., 1941. — С. 537.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф, Соч. Т. 3. — С. 54.

²⁵ См.: Ренан Э. Что такое нация? Соч., 1888.

²⁶ См.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. — СПб., 1909. — С. 135.

²⁷ См.: Каутский К. Национализм и интернационализм. — Петроград, 1918. — С. 7.

²⁸ См.: Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. — М., 1939. — С. 6.

²⁹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. — С. 124.

³⁰ См.: Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. — М., 2000. — С. 44.

³¹ См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. — М., 2004. — С. 216.

³² Isaiah Berlin, "Nationalism: Past Neglect and Present Power", *Partisan Review*, 46 (No. 3, 1979), p. 348, quoted in John Mack, "Nationalism and the Self", *The Psychohistory Review*, 2 (Spring 1983), p. 47-48; Anthony D. Smith, *National Identity* (Reno: University of Nevada Press, 1991), p. 143; Wilbur Zelinsky, *Nation into State: The Shifting Symbolic Foundations of American Nationalism* (Chapel Hill: University of North Carolina Press 1988), p. 1.

сударства в самом широком его смысле, а также часть системы общественно-политической организации государства.

В такой постановке проблема определения и изучения гражданского общества как высшей формы организации народа получает новую интерпретацию.

Например, одни авторы, в частности Л.С. Мамут, следуя широкому пониманию гражданского общества, подчеркивают, что в основе такого общества лежат экономические, исторические, социокультурные, языковые, этнические, конфессиональные, территориальные, этические отношения, т.е. условия жизни людей, в которых происходит реализация их партикулярных интересов, и где нет места субординации³³. Отсюда гражданское общество — ипостась любого цивилизованного (базирующегося на общественном разделении труда) человеческого общества. Оно было, есть и всегда будет. Другое дело, что всякий раз гражданское общество выступает в определенной конкретно-исторической форме. К тому же отличительной чертой гражданского общества является такая его архитектоника, как наличие определенных горизонтальных связей, а не организации со всеми присущими ей атрибутами³⁴.

Другие исследователи, например, В.А. Четвернин, полагают, что гражданское общество — это сфера свободной, автономной активности, в которой действуют индивидуальные и коллективные субъекты, преследующие свои частные цели и интересы, и что отношения между ними не опосредованы публичной властью³⁵. И это общество, в котором все становятся в равной мере свободными, обладающими естественными и неотчуждаемыми правами. Таким образом, гражданское общество является сложной системой, предполагающей взаимодействие организованных субъектов — людей, групп, коллективов, сообществ, и это взаимодействие означает объединение людей по социально-групповому, организационному и поселенческому принципам³⁶.

Степень диссоциации общества наилучшим образом раскрывается понятием «аномия» (буквально — отсутствие закона). Понятие «аномия», которое ввел в оборот французский социолог Э. Дюркгейм, харак-

теризует состояние общества, в котором преобладает равнодушие к законам вследствие утраты уважения и доверия к ним со стороны большинства населения. И как результат — либо их несоблюдение, либо злостное нарушение³⁷.

Одна из главных причин аномии — господство в обществе ценностей индивидуального успеха, прежде всего богатства и власти, которые часто достигаются противозаконным путем. Поскольку большинство людей не может позволить себе ни того, ни другого, возникает негативное отношение к существующим социальным нормам, дающим преимущества одним и лишаящим их других. У многих появляется ощущение своей социальной невостребованности и ненужности, чувство пустоты жизни, крушения моральных устоев и целей. Особенно ярко аномия проявилась в 1990-е гг. в российском обществе, а также ее проявления очевидны и в настоящее время.

Именно с этим связан рост настроений авторитаризма, политического, национального и религиозного экстремизма, ксенофобии и т.п. Масштаб аномии не связан с законодательской деятельностью: законов, в том числе хороших и строгих, может быть много, но в стране это ничего не меняет.

Определяющим моментом становления гражданского общества является *социальная ответственность*. Ее роль заключается в том, что ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, организаций в обществе. Это особенно важно в российских условиях, где крайне сложно проходит процесс разграничения общественного, государственного и личного.

Более того, ни о какой социальной ответственности населения в России сегодня говорить не приходится. Во многом это объясняется отсутствием социальной защищенности самого населения, кризисом самоидентификации среднего и низшего класса, отсутствием четкой и понятной стратификации общества, невозможностью государства реализовывать гарантированные законодательством (Конституцией России — в первую очередь) социальные права и свободы человека и гражданина, что вызывает встречную негативную реакцию населения по отношению к власти, порождая правовой нигилизм и безразличие к происходящему в стране.

В известной мере можно говорить и о том, что единого народа-нации в современной России пока еще нет, а значит, не существует и полноценного источника

³³ См.: Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5. — С. 101.

³⁴ См.: Гражданское общество, правовое государство и право. С. 31.

³⁵ См.: Четвернин В.А. Общество и государство // Феноменология государства. — М., 2004. Вып. 2. — С. 20.

³⁶ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. — С. 285, 315 329; Четвернин В.А. Общество и государство. — С. 22.

³⁷ См.: Сорокин В.В. Проблемы толкования права в современном гражданском обществе // Гражданин и право. — 2010. — № 6.

государственной власти. На фоне этого формируются предпосылки произвольного толкования властью воли народа, в том числе в ходе выборов.

Если нет основы народа — гражданского общества, а то, что есть либо крайне слабо и неразвито, либо искусственно сформировано государством, то и о правовой государственности также говорить пока преждевременно. Наличие множества быстро меняющихся законов — это отнюдь не наличие подлинного права, которое имеет куда более глубокие социальные и политические основания, чем однобокая и чаще всего неуклюжая в плане законодательного выражения общезначимых социальных интересов деятельность российских органов представительной власти, формируемых на основе весьма далекого от демократических образцов избирательного законодательства.

Если обратиться к лозунгам и политическим декларациям, в которых так или иначе эта тема затрагивается, то понятия «народ» и «гражданское общество» в России, к сожалению, рассматриваются как независимые друг от друга и не взаимосвязанные. Более того, народ политиками рассматривается исключительно как электорат, интересующий их только накануне выборов. И это опять же следствие крайней слабости подлинного гражданского общества, имеющего политическое выражение в народе.

В целом власть, оперируя понятиями «народ» и «гражданское общество», либо не стремится разобраться в их сути, запутываясь и запутывая окружающих, либо, что тоже весьма вероятно, в какой-то мере намеренно манипулирует ими, в том числе, и в политической практике.

Состояние аномии тесно связано с другим разрушительным для всякого общества явлением: *люмпенизацией народа* — по сути своей процесса, обратного формированию гражданского общества, связанного, опять-таки, с социологическим понятием «кризис самоидентификации».

Еще Гегель отмечал, что в тех случаях, когда обрывается пропасть между несметными богатствами на одном полюсе общества и нищетой — на другом, жизнь многих людей оказывается ниже необходимого уровня существования. Это, в свою очередь, ведет к утрате ощущения возможности обеспечивать свое существование собственным трудом и порождает паразитизм и социальное иждивенчество³⁸.

Рост обнищания и люмпенизации вызывает у многих людей внутреннее озлобление, направленное не только против богатых, но и против общества в целом, против правительства, чиновников, политиков и т.д.

Все это, как правило, ведет к росту противоправных настроений и действий, конечно, не способствуя, развитию правосознания и гражданского общества.

Можно добавить к этому следующее: если буквально гражданское общество толковать как совокупность граждан страны, их качественное и регулируемое общепризнанными в данном обществе социальными регуляторами взаимодействие друг с другом и с государством, то народ страны, еще не осознавший возможности саморегулировать свои социально-экономические потребности и не выработавший пригодные для этого социальные регуляторы, можно считать начальной ступенью на пути развития от народа к гражданскому обществу. Таким образом, одним из рецептов «ускорения» такого развития от народа к гражданскому обществу может быть усиление социальных связей внутри общества, которое политически оформляется в народ. Но о социальной системе гражданского общества и всем, что с этим связано, речь пойдет ниже.

Можно говорить также об «активном» или «пассивном» гражданском обществе. Поскольку гражданское общество есть сфера действия эгоистических интересов индивидов, более того, «войны всех против всех», то применение по отношению к нему слова «активное» следовало бы по логике вещей понимать в смысле особо активного ведения этой самой «войны». Если же речь идет о состоянии гражданского общества, то о нем больше может сказать степень его диссоциации. Гражданское общество как сфера господства частного, эгоистического интереса, будучи неподконтрольным государству и полностью предоставленным самому себе, движется в направлении анархии.

Гражданское общество — это социальная система

Основным компонентом любой социальной системы всегда выступает человек как социальное существо. Как верно писал В.Г. Афанасьев, человек есть последний, в известном смысле слова элементарный носитель социального системного качества. В то же время, будучи компонентом любой социальной системы, воплощением ее сущности, человек есть лишь часть социальной системы. Только будучи включен в определенную общественную систему, индивид обретает свою социальную сущность.³⁹

Действительно, опираясь на эту научную теорию, применительно к рассматриваемой в статье проблеме можно сделать следующий важный вывод: если человек является компонентом (элементом) социальной системы, то его нахождение в ней предполагает выполнение человеком определенных функций в этой систе-

³⁸ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М., 1990. — С. 234.

³⁹ См.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. — М., 1981. — С. 23.

ме, которые, во-первых, структурно связывают его с системой, во-вторых, меняют саму систему. Таким образом, и человек в отдельности и сама система в целом развиваются, обретая новые качества. Чем развитие конкретного человека в его взаимодействии с другими людьми (элементами системы) будет интенсивнее, тем быстрее будет совершенствоваться сама система.

Иными словами, на наш взгляд, чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества.

Самоорганизация граждан и наличие неконтролируемых государством сфер так называемой «гражданской активности» (повторим, что в этом случае государство делает определенные волевые усилия по самоограничению собственной власти во имя полноценного развития всей системы) является важным симптомом благополучного развития всей системы, сравнимым с наличием иммунитета в организме. Иными словами, чем больше возможностей предоставляет государство как управляющий субъект, являющийся частью системы (государство-общество), управляемому объекту (гражданскому обществу) в сфере самоидентификации и самоорганизации, тем меньше риск «заболевания» всей системы как единого организма, части которого могут влиять друг на друга. Именно государство в данном случае может являться как рычагом, так и тормозом всего процесса. В современной России это особенно актуально, ведь политическое устройство, как верно отметил Р.Г. Абдулатипов, — это один из элементов отражения социального опыта народов страны и культурного, цивилизованного устройства форм их развития и взаимодействия⁴⁰.

На наш взгляд, построение государством «сверху» в условиях его общей неразвитости и наличия массовых стереотипов советского тоталитаризма в общественном сознании гражданского общества имеет ряд плюсов, хотя бы с позиций метода системного анализа.

Во-первых, государству (и не только ему) легче управлять обществом как подсистемой, когда основные элементы системы (государство-общество) упорядочены, соотнесены друг с другом, когда понятны их внутренние связи и соподчиненность. Сложнее (и почти невозможно) управлять хаосом, беспорядком, в котором управляемые элементы разрознены и не имеют четких связей друг с другом.

Во-вторых, в современной России, где проживает более 200 различных народов и этнических групп, различающихся по языку, самобытным особенностям своей материальной и духовной культуры, конфессиональной принадлежности, необходимость «управляемой свободы» очевидна и вполне логична. Государство не просто является регулятором и реформатором данной сферы, но и сам факт государственного вмешательства в процессы формирования институтов гражданского общества — процесс во многом естественный и неизбежный с учетом исторических традиций нашей страны. Россия — это община, как продукт эволюции сообщества народов, это и общность, как совокупность людей, имеющих общую историю, на базе которой формируются общие духовно-нравственные признаки. Взаимовлияние культур и традиций многих народов шло веками вокруг русского этноса⁴¹.

Тем не менее, нельзя забывать и об ответственности власти, стремящейся создать институты гражданского общества, поскольку этот в общем-то позитивный процесс может быть использован в качестве особого инструмента государственного управления, для манипулирования объективными процессами в социуме, где при наличии демократических предпосылок, сколько бы слабыми они ни были, гражданское общество неизбежно вырастает и снизу. Поэтому в идеале приоритет в государственном управлении должен быть отдан именно содействию в формировании гражданского общества, а не в административном создании удобных власти его институтов.

Подводя некоторые итоги, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, человек (народ) — это часть структуры гражданского общества, базовый элемент («атом») этой подсистемы, управляемой в основном государством. Гражданское общество — это не только совокупность элементов, и даже не просто подсистема (организованная во времени и общественно-политическом пространстве совокупность) взаимодействующих друг с другом и развивающихся (в т.ч. самоорганизующихся и организованных государством) элементов, но и часть государства в самом широком его смысле, и часть поглощающей эту подсистему системы общественно-политической организации.

Во-вторых, медленное развитие в России институтов гражданского общества вызвано, в том числе, отсутствием у населения страны социальной ответственности и кризисом самоидентификации личности, отдельных социальных групп и общества в целом. Ответственность как социальный феномен определяет пределы допустимой деятельности отдельных индивидов, групп, орга-

⁴⁰ См.: Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. — М., 2000. — С. 33.

⁴¹ Там же.

низаций в обществе, а значит — является индикатором возможности саморегулирования обществом своих отношений, их социокультурной и экономической трансформации (без привлечения к этому процессу государства или при минимальном привлечении последнего).

В-третьих, чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества.

В-четвертых, участие государства в формировании российского гражданского общества должно быть весьма взвешенным, его следует контролировать независимыми общественными институтами, чтобы не допустить манипулирования процессом формирования гражданского общества в интересах самой власти. А для этого власть должна осознать важность и необходимость самоограничения, пойти во многом против своей природы. Особенно это касается тоталитарных традиций государственного управления в России.

Библиографический список:

1. Anthony D. Smith, *National Identity* (Reno: University of Nevada Press, 1991).
2. Isaiah Berlin, «Nationalism: Past Neglect and Present Power», *Partisan Review*, 46 (No. 3, 1979), p. 348, quoted in John Mack, «Nationalism and the Self», *The Psychohistory Review*, 2 (Spring 1983).
3. Wilbur Zelinsky, *Nation into State: The Shifting Symbolic Foundations of American Nationalism* (Chapel Hill: University of North Carolina Press 1988).
4. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. — М.: Славянский диалог, 2000.
5. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. — М.: Политиздат, 1981.
6. Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. — М.: Издательство БЕК, 1998.
7. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. — СПб., 1909.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М., 1990.
9. Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // *Адвокат*. 2009. № 8.
10. Дзодзиев В. Проблема становления демократического государства в России. — М., 1996.
11. Каутский К. Национализм и интернационализм. — Петроиздат, 1918.
12. Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. — М.: Юрист, 2001.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24.
14. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // *Общественные науки и современность*. — 2002. — № 5.
15. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. — М.: Академический Проект, 2010.
17. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства.
18. Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. — М., 2005.
19. Поздняков Э.А. Российское гражданское общество. Иллюзии и реальность // *Политический класс*. — 2006. — № 22.
20. Ренан Э. Что такое нация? Соч., 1888.
21. Сорокин В.В. Проблемы толкования права в современном гражданском обществе // *Гражданин и право*. — 2010. — № 6.
22. Социологический словарь. — М., 2009.
23. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. — М., 1939.
24. Тишков В.А. О нации и национализме // *Свободная мысль*. — 1996. — № 3.
25. Философский словарь. — М., 2008.
26. Французская буржуазная революция. — М., 1941.
27. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.
28. Четвернин В.А. Общество и государство // *Феноменология государства*. М., 2004. Вып. 2.
29. Шибутани Т. Социальная психология. — М.: Прогресс. 1969.
30. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. — 1995. — № 3-4.

References (transliteration):

1. Anthony D. Smith, *National Identity* (Reno: University of Nevada Press, 1991).
2. Isaiah Berlin, "Nationalism: Past Neglect and Present Power", *Partisan Review*, 46 (No. 3, 1979), p. 348, quoted in John Mack, "Nationalism and the Self", *The Psychohistory Review*, 2 (Spring 1983).
3. Wilbur Zelinsky, *Nation into State: The Shifting Symbolic Foundations of American Nationalism* (Chapel Hill: University of North Carolina Press 1988).
4. Abdulatipov R.G. *Natsional'nyy vopros i gosudarstvennoe ustroystvo Rossii*. — M.: Slavyanskiy dialog, 2000.
5. Afanas'ev V.G. *Obshchestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie*. — M.: Politizdat, 1981.
6. Baglay M.V., Tumanov V.A. *Malaya entsiklopediya konstitutsionnogo prava*. — M.: Izdatel'stvo BEK, 1998.
7. Bauer O. *Natsional'nyy vopros i sotsial-demokratiya*. — SPb., 1909.
8. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava*. — M., 1990.
9. Grudtsyna L.Yu. *Chastnaya sobstvennost' i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii // Advokat*. — 2009. — № 8.
10. Dzodziev V. *Problema stanovleniya demokraticeskogo gosudarstva v Rossii*. — M., 1996.
11. Kautskiy K. *Natsionalizm i internatsionalizm*. Petroizdat, 1918. — S. 7-33.
12. *Konstitutsionnoe pravo: Slovar' / Otv. red. V.V. Maklakov*. — M.: Yurist', 2001.
13. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* T. 24.
14. Mamut L.S. *Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: problemy sootnosheniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. — 2002. — № 5.
15. Marks K. *K evreyskomu voprosu // Marks K., Engel's F. Soch.* T. 1.
16. Marks K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannye filosofskie raboty*. — M.: Akademicheskii Proekt, 2010. — S. 52-53.
17. Nersesyants B.C. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva*. — S. 285, 315 329; Chetvermin V.A. *Obshchestvo i gosudarstvo*. — S. 22.
18. Orlova O.V. *Grazhdanskoe obshchestvo i lichnost': politiko-pravovye aspekty*. — M., 2005. — S. 4.
19. Pozdnyakov E.A. *Rossiyskoe grazhdanskoe obshchestvo. Illyuzii i real'nost' // Politicheskii klass*. — 2006. — № 22.
20. Renan E. *Chto takoe natsiya? Soch.*, 1888.
21. Sorokin V.V. *Problemy tolkovaniya prava v sovremennom grazhdanskom obshchestve // Grazhdanin i pravo*. — 2010. — № 6.
22. *Sotsiologicheskii slovar'*. — M., 2009.
23. Stalin I.V. *Marksizm i natsional'no-kolonial'nyy vopros*. — M., 1939.
24. Tishkov V.A. *O natsii i natsionalizme // Svobodnaya mysl'*. — 1996. — № 3.
25. *Filosofskiy slovar'*. — M., 2008.
26. *Frantsuzskaya burzhuaznaya revolyutsiya*. M., 1941.
27. Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti / S. Khantington; Per. s angl. A. Bashkirova*. — M.: OOO «Izdatel'stvo ACT»: OOO «Tranzitkniga», 2004.
28. Chetvermin V.A. *Obshchestvo i gosudarstvo // Fenomenologiya gosudarstva*. — M., 2004. Vyp. 2.
29. Shibusani T. *Sotsial'naya psikhologiya*. — M.: Progress. 1969.
30. Yadov V.A. *Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsial'noy identichnosti lichnosti // Mir Rossii*. — 1995. — № 3-4.